

Ю.П. РОДИОНОВ, Омск
«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»*

Николай Виссарионович Некрасов, депутат III и IV Государственных дум от Томской губернии, был кооптирован в ЦК конституционно-демократической партии в конце 1909 г. В июне 1915 г. он заявил о сложении с себя обязанностей члена ЦК. 11 июня, задержавшись на несколько дней в Петрограде после завершения работы партийной конференции, проходившей с 6 по 8 июня, Н.В. Некрасов составил соответствующее письмо, адресованное П.Н. Милюкову. Один из лидеров левого крыла в руководстве конституционных демократов, каким стал к тому времени Некрасов, сообщал лидеру партии, что мотивы своего неожиданного для многих решения изложит «особым письмом». И такое письмо не заставило долго ждать. Уже на следующий день, 12 июня, на этот раз из Москвы Н.В. Некрасов отправил обстоятельное письмо «В Центральный комитет партии народной свободы» с объяснением причин, побудивших его на столь радикальный шаг.

В литературе существует точка зрения, что последней каплей, переполнившей чашу терпения Н.В. Некрасова, явились резолюции июньской конференции. В частности, отмечается, что Некрасов заявил о своем выходе из ЦК после отказа большинства делегатов конференции включить в программу партии требования ответственного министерства и всеобщей амнистии. Такое утверждение должно быть поставлено под сомнение. Решения конференции 6—8 июня 1915 г., наоборот, вызвали сдержанный оптимизм противников тактики «внутреннего мира» с правительством, к которым, безусловно, следует отнести и Н.В. Некрасова. В резолюции по докладу о политическом положении указывалось на неспособность правительства «в его нынешнем составе» обеспечить успешное ведение войны, отмечалось, что «ярко проявившееся с самого начала войны стремление общества объединить свои силы для поддержки правительства в деле обороны страны столкнулось с рядом правительственных действий, проникнутых недоверием к общественному почину и общественным силам...» Конференция выступила не только за немедленный созыв Государственной думы, но и «образование кабинета, способного обеспечить правильную организацию тыла войны, соблюдение внутреннего мира в стране и тесное сотрудничество правительства и общества». Критика правительства, содержащаяся в резолюции, может показаться несущественной. Но нельзя забывать, что до июня 1915 г., в течение почти года, партия кадетов проводила тактическую линию на перемирие с правительством до окончания войны.

---

* Опубликовано: Судьба России: образование, наука, культура: Тез. Четвертой Всерос. конф.:

Сразу же после июньской конференции Н.В. Некрасов, по его собственному признанию, убедился в том, что резолюция о гласном контроле над правительством (так ее охарактеризовал Некрасов) оказалась ничем иным, как внешней уступкой, на которую руководство партии согласилось под давлением «активных элементов». Николай Виссарионович выдавал желаемое за действительное, интерпретируя решения конференции как призыв к общественному контролю над исполнительной властью. На самом же деле в июне 1915 г. тактика «внутреннего мира» не пересматривалась, а уточнялись условия ее осуществления: немедленное возобновление заседаний Государственной думы и формирование дееспособного правительства, желающего взаимодействовать с общественными силами страны.

В отличие от П.Б. Струве, покинувшего ЦК партии кадетов действительно из-за несогласия с итогами июньской конференции 1915 г. (прежде всего по национальному вопросу), Н.В. Некрасова не устраивали «настроение и тактика руководящих элементов ЦК», и после конференции оставшиеся прежними. В этой ситуации Некрасов проявил поразительное нетерпение — через три дня после закрытия конференции выйти из ЦК в знак протеста против невыполнения ее решений! Ближе к истине при объяснении мотивов своего демонстративного поступка Н.В. Некрасов был в июле 1915 г., сказав сотруднику одной из газет следующее:

«Внешним же толчком для моего ухода послужило действительно разногласие об участии в Особом совещании по усилению снабжения армии под председательством генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова. Большинство фракции воздержалось от участия, против — 1, но ЦК присоединился к меньшинству».

ЦК кадетской партии на заседании 18 июня 1915 г. заслушал текст письма Н.В. Некрасова и принял постановление, совершенно лишенное эмоционально-истеричных оценок: ограничиться принятием заявления Некрасова к сведению, огласить факт его выхода из ЦК в партийной печати и поставить вопрос о кооптации новых членов. В обсуждении некрасовского обращения в ЦК участвовали 8 членов комитета, т.е. все присутствовавшие на заседании 18 июня 1915 г: П.Н. Милуков, Н.А. Гредескул, Ф.И. Родичев, Д.И. Шаховской, Д.Д. Протопопов, А.И. Шингарев, А.С. Изгоев, А.Н. Рутцен. В частности, А.И. Шингарев заметил, что ему «все-таки грустно было слышать письмо Н.В. Некрасова – чужого, так как только чужой человек может с такой легкостью третировать центральный орган той партии, в которой он работает». Шингарев подчеркнул, что Некрасов очень быстро эволюционировал влево, но даже с учетом этого разногласия между ним и большинством ЦК были «по мелким, в сущности, поводам».

Его поддержал Д.И. Шаховской, напомнивший, что Н.В. Некрасов особенно настойчиво выступал за созыв съезда и переизбрание ЦК. Однако, по мнению Шаховского, принципиальных возражений это ни у кого не вызывало, а рассуждения сводились к вопросу о возможности реализации идеи Некрасова. Н.А. Гредескул сожалел об уходе Струве больше, чем Некрасова, так как «в первом случае яснее идейные мотивы». Он оказался прав: разногласия Н.В. Некрасова исчерпывались организационно-тактическими вопросами, что позволило самоисключенному члену ЦК вскоре в него вернуться.